

кументе указывается, что весь урожай и волы с их снаряжением, а также деревни, в которых на этих волах работают ²⁸, после смерти императора должны перейти монастырям в тех же пропорциях. Очевидно, в центре внимания фискальной практики находились волы и упряжка, наличие которой обеспечивало урожай.

Еще в одном документе (1409 г.) делового характера, фиксирующем порядок обмена некоторых владений Лавры на другие, содержатся данные, позволяющие в какой-то степени судить о способе взимания десятины зевгарей. Упоминаются 160 номисм, уплачивавшихся в качестве их десятины ²⁹. Н. Зворонос полагает, что десятина, уплачивавшаяся париками с зевгарей, по существу являлась податью за собственную землю, которую обрабатывали данные зевгари ³⁰. Ученый не разъясняет, однако, что подразумевает он под «собственной землею». Земля на правах собственности? Или владения, которыми монастырь наделял париков и которые иногда обозначают как «данная земля» (ἐδόθη)? На этот вопрос трудно дать точный ответ. Думается, однако, что вряд ли речь может идти о собственной земле. Земля на территории, пожалованной Лавре, принадлежала ей в качестве собственности. Все фактически владельцы не обладали правом собственности, но держали землю на тех или иных условиях, часто отличных от паричского держания. Их владения являлись объектом особого обложения в пользу собственника или государства. В юридическом отношении платежи имели, как уже говорилось, двойственный, аморфный характер, являя собой смешение публичноправовых и частнопровых отношений. Показательно в этом смысле, что десятина с зевгарей, переданная Иоанном VII в 1407 г. с императорских владений в Кассандре, — подать смешанного публично- и частнопрового характера (№ 159).

Неопределенный юридический и фактический статус этих земель — аренды или заимки (вернее, последнее) — и послужил причиной того, что эта земля не фиксируется в описях как таковая, упоминается только, с одной стороны, вместе с упряжками, а с другой — с людьми, находящимися (κατοικοῦντων) на данной земле ³¹. Неопределенность, а возможно, нестабильность держания или владения, его становление из заимки и обусловили превращение зевгаря-упряжки как таковой в объект обложения. Особая ценность зевгаря в хозяйствах, где отсутствует земля на паричском праве (а возможность приобретения и заимки новых земельных владений зависит прежде всего от обеспеченности хозяйства упряжками), подтверждается и другими документами. В частности, в дарственной Георгия Франдзи, пожаловавшего Лавре церковь св. Антония в Авлоне наряду с движимым и недвижимым имуществом указывается зевгарь ³².

Более того, зевгарь-упряжка не только является объектом платежей, в которых явно присутствовал частнопровый элемент, — зевгарь учитывался и при обложении телосом. В этом случае нормы обложения зевгарей телосом оказываются выше тех, которые были распространены в поселениях, где у париков имелась земля на паричском праве. Это означает, что при начислении телоса учитывали неявным образом те земли, которые могут быть обработаны с помощью имеющихся зевгарей. Неопределенность правового статуса этих земель приводила к тому, что общий объем держания не фиксировался, лишь в общей форме говорилось о земле, где работают волы ³³. Характерно также, что в тех поселениях, в которых парики имели большие наделы, сама по себе упряжка практически не облагалась. Таково было, например, положение вещей во владениях Лавры на Лемносе — по данным практика 1284 г. Птохи (как именуются в этом практике крестьяне) владели большими наделами, и эти наделы, а также

²⁸ Ibid., p. 148.34.

²⁹ Lavra, III, N 161, p. 158.28.

³⁰ Zvononos N. Le domaine de Lavra. . . , p. 170.

³¹ Lavra, III, N 155, p. 134.21; 26; N 161, p. 157.20—21.

³² Ibid., N 174, p. 199.7, 11.

³³ Ibid., N 159, p. 147.34; N 135, p. 174—175.49.